

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

Трофимов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории и философии Уральского государственного экономического университета. Екатеринбург, Россия. E-mail: 2519612@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе принципов поликонцептуальности и толерантности предпринимается попытка репрезентации концептуальных образов применительно к позднесоветской истории (1945–1991 гг.). Обращение к концептуальным построениям и мифологическим конструкциям позволяет выявить три целостных концептуальных образа недавнего прошлого: «оптимистический», «пессимистический», «прагматический».

Ключевые слова: историография, поликонцептуальность, толерантность, советская история, 1945–1991 гг.

THE CONCEPTUAL IMAGES OF LATE SOVIET HISTORY

Trofimov Andrey V., Doctor of Historical Science, Professor; Professor at the Department of History and Philosophy of the Ural State University of Economics. Ekaterinburg, Russia

Abstract. In paper on the basis of the principles of preconceptualist and tolerance to explicate the conceptual representation of the images in relation to the late Soviet history (1945–1991). The reference to conceptual constructions and mythological constructions allows to reveal three integral conceptual images of the recent past: «optimistic», «pessimistic», «pragmatic».

Key words: historiography, preconceptualist, tolerance, Soviet history, 1945–1991.

Концептуальное многоголосие современной историографии предоставляет исследователям, как широкие возможности и перспективы, так и расставляет определенные когнитивные «ловушки». Возможности состоят прежде всего в разнообразии методологического инструментария и масштабов измерения исторических фактов, событий и процессов. К «ловушкам» отнесем: «зацикленность» на одном из возможных концептуальных подходов; следование теоретико-методологическим и мировоззренческим пристрастиям авторов; превратно понимаемую толерантность, когда научная критика и дискуссии сводятся к игнорированию или дискредитации доводов оппонентов и размежеванию на дискурсы, в границах которых существует комплементарная атмосфера для их сторонников и на эту «территорию смыслов» не допускаются оппоненты.

В рамках данной статьи предпринимается попытка репрезентации концептуальных образов применительно к позднесоветской истории. Используя поликонцептуальную когнитивную ситуацию [8], принципы толерантности, взаимодополнительности и ценностного содержания различных концепций, рассмотрим вариативные возможности складывания «пазла» одного из ключевых и дискуссионных периодов российской истории – 1945–1991 гг.

Существует нескольких историографических традиций и направлений, в русле которых происходит осмысление позднесоветской истории (1945–1991 гг.). Советская историографическая традиция эволюционировала

от теорий «полного и окончательного построения социализма», «перехода от социализма к коммунизму», «развитого социализма» к концептам «административно-командной системы», «казарменного социализма» и т.п. Антисоветская историографическая традиция складывалась в русле советологии на основе концепции тоталитаризма, а также ревизионистских интерпретаций. В постсоветской историографии, после вытеснения на периферию «одномерных» трактовок в духе и стиле советской историографии, на некоторое время мейнстримом стал антисоветский дискурс, также не свободный от ангажированности, односторонности и отсутствия толерантности. Ставшие доступными для исследователей возможности, связанные с использованием инструментария направлений современного историознания (новой социальной, новой политической, новой экономической, глобальной, культуральной, антропологической истории, микроистории и др.), значительно расширили, углубили и в тоже время «размыли» на отдельные элементы, фрагменты, дискурсы представления о недавнем прошлом. Присущая советской историографической традиции политико-идеологическая пристрастность трансформировалась в иные, более мягкие, но не менее очевидные формы и методы исторической политики современного российского государства.

Современная историческая политика направлена на создание единого российского исторического дискурса (культурно-образовательный стандарт), в русле которого исследователи пытаются (с разной степенью

убедительности для разных аудиторий) вписать советский период истории в единую ткань российского исторического нарратива. В данном контексте используется целый ряд концептов, объясняющих историю Советского Союза от Великой Победы до распада государства: тоталитаризм, советская цивилизация, советская модернизация, мобилизационная система, реальный социализм, индустриальный социализм, советский проект и др. При этом существенное воздействие на общественные (и отчасти научные) представления оказывает мифологическая (образная) составляющая: «сталинский тоталитаризм», «красная империя», «брежневский застой», «золотой век советского социализма», «катастрофка» и др.

Обращение к теоретическим построениям и мифологическим конструкциям позволяет выявить три целостных концептуальных образа недавнего прошлого: «оптимистический», «пессимистический», «прагматический». Трансляция этих образов происходит в границах дискурсивных практик, с использованием соответствующих мифологических конструктов.

«Оптимистический» образ базируется на признании СССР одной из ведущих мировых держав в истории второй половины XX в., завоевавшей этот статус благодаря решающему вкладу в победу во Второй мировой войне. Необходимой платой за сохранение своего геополитического положения в мире в условиях «холодной войны» являлась мобилизационная модель развития общества во главе с сильным, идеологически ориентированным на построение социализма и коммунизма, государством. Существовавшее как многонациональное государство, создавшее новую историческую общность – советский народ, СССР представлял одновременно реинкарнацию Российской цивилизации в образе «красной империи».

Всего лишь за четыре с половиной десятилетия, после окончания тяжелейшей войны, принесшей неисчислимы бедствия и страдания, в стране были осуществлены мегапроекты: создание ракетно-ядерного «щита»; масштабный промышленный рост; советская космическая программа; развитие одной из лучших в мире систем образования, здравоохранения. Если до начала развернутого строительства социализма на долю СССР приходилось всего лишь 12% объема промышленного производства США, то всего за полвека эта доля возросла до 80%, уровень сельскохозяйственного производства Советского Союза стал равен в среднем 65% сельскохозяйственного производства США. Хотя общая стоимость потребления на душу населения в СССР по некоторым показателям продолжала отставать от соответствующего уровня США, однако ни в каком другом обществе, кроме советского, за столь короткие исторические сроки не был обеспечен такой быстрый и решительный рост уровня жизни и потребления практически всего населения страны [6, с. 8, 9]. К середине 1980-х гг. в Советском Союзе «большинство семей уже имело в своем распоряжении такие дорогостоящие предметы долговременного пользования, как холодильники, телевизоры, стиральные машины, пылесосы. Единственным исключением стала обеспеченность населения легковыми автомобилями

и персональными компьютерами, но по легковым автомобилям она также быстро росла. Намного хуже обеспечивался спрос населения на платные услуги, и по некоторым из них (например, по связи, услугам торговли, общественному питанию, гостиничному хозяйству) СССР отставал от ряда развивающихся стран, хотя и по этим услугам наблюдался быстрый рост» [9, с. 487–491]. По данным репрезентативных всесоюзных исследований образа жизни, в 1980–1981 гг. у 54% советских людей жизнь складывалась «хорошо», у 44% – «удовлетворительно» и лишь у 2% – «плохо» [4].

Замедление темпов экономического роста, снижение эффективности экономики к концу 1970-х гг., гипертрофированное развитие оборонно-промышленного комплекса, нарастание трудностей на потребительском рынке и другие объективные трудности и проблемы, связанные с необходимостью корректировки сталинской модели социализма в новых исторических условиях были многократно усугублены с «помощью» Запада, стремящегося к уничтожению СССР как геополитического противника и усилиями «пятой колонны» в лице, предавшей идеалы социализма псевдокоммунистической элиты. Рассматривая причины распада СССР, сторонники «оптимистического» образа обращают внимание на наличие в системе советского социализма определенных «трещин», слабостей и проблем, внешнего воздействия, решающей роли фактора Горбачева и Ельцина, говорится и о «контрреволюции», совершенной классом бюрократии.

Оптика «оптимистического» образа усиливается сравнительной оценкой, достигнутого страной в советский и постсоветский периоды. В первом случае – превращение страны во вторую сверхдержаву, высокие темпы экономического роста, повышение качества жизни; во втором – «проедание советского потенциала», превращение в «несовременную страну», зависимость от экспорта энергоносителей, рост имущественной дифференциации.

«Пессимистический» образ основан на констатации имманентно присущей советской модели исторической бесперспективности, «утопии у власти». Агрессивная советская империя во второй половине XX в. не выдержала испытания на прочность, как в силу избыточных внешнеполитических амбиций, так и в силу внутренней неэффективности.

Тоталитарные, авторитарные черты характеризуют сущность «Русской системы» власти в политических режимах И.В. Сталина, Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова. Советские политические лидеры, выходцы из партийно-государственной номенклатуры, вместе с правящей бюрократией являлись главными архитекторами недемократической и неконкурентоспособной в исторической перспективе социалистической системы, в ее советском (доктринально ограниченном) варианте. Политическая элита в СССР была подвержена отрицательной селекции, начавшейся после революции 1917 г., испытывала все возрастающее давление извне, принимая чуждые советской системе западные ценности, что способствовала ее демонтажу. Советская модель, лишившая экономику внутренней мотивации к качественному труду, интенсификации

производства и научно-техническому прогрессу, привела к долговременной тенденции замедления темпов экономического роста с конца 1950-х гг., к прекращению последнего с конца 1970-х гг. и развалу СССР. Искусственное, плановое, идеологическое, дисциплинарное подстегивание темпов экономического роста привело к огромному количественному наращиванию «вала» советской продукции, как правило, неконкурентоспособной по стандартам мирового рынка, кроме продукции добывающей промышленности и военно-промышленного комплекса.

В 1953–1972 гг. происходит устойчивое развитие советской экономики при снижающейся эффективности, проявление ее недостатков и ограничений. Попытки отхода от ортодоксальной сталинской модели путем внедрения рыночных («хозрасчетных») механизмов, стимулирующих экономический рост и позитивные качественные сдвиги. Попытки проведения экономических реформ (1957 и 1965 гг.), которые не получили устойчивой и последовательной реализации и быстро сворачивались. В 1973–1984 гг. – наступает период «застоя». Резкий и неожиданный скачок цен на нефтегазовые ресурсы дал советской экономике устойчивый источник финансирования привел к отказу от реформ и совершенствования экономического механизма. Устойчивые (хотя и невысокие) темпы экономического роста, контрастировавшие с длительным экономическим кризисом многих западных стран, сопровождавшихся стагфляцией, при наличии военно-стратегического паритета с США создавали иллюзию долгосрочной стабильности [12, с. 85, 86].

Вместе с тем в «нерыночном» СССР существовал особый административный рынок, жестко, но многомерно иерархизированная синкретичная система (где экономический и политический компоненты не могли быть разделены), в которой социальные статусы и потребительские блага конвертировались друг в друга по определенным правилам, меняющимся во времени. Критерии успешной деятельности на административном рынке заключались в повышении статуса в иерархиях власти. В стране действовала не командная система, а «экономика согласований», «бюрократический рынок», построенный на обмене-торговле, осуществляемой органами власти и отдельными лицами. В отличие от обычного, денежного рынка товаров и услуг, на бюрократическом рынке происходил обмен не только материальными ценностями, но и властью и подчинением, правилами и исключениями из них, положением в обществе. Само существование СССР стало предметом административного торга, закончившегося самоликвидацией союзного уровня этого «базара» [7].

Институциональная жесткость сложившейся системы, отсутствие в ней механизмов обратной связи, невозможность получать своевременную информацию о протекающих в стране и в мире процессах, а также зависимость советской системы от дешевых ресурсов, обусловили неспособность СССР к эволюционной трансформации и стали причиной развития системного кризиса [12, с. 87–91].

Наряду с нарастающей экономической неэффективностью в СССР постепенно и неуклонно размывались

внедряемые официальной пропагандой идеологические ценности. За послевоенный период с 1945 по 1966 г. в СССР родилось 70 млн новых граждан. Из-за быстрой урбанизации большая часть этой молодежи росла и получала образование не в селах и маленьких городках, а в крупных городах. Это было новое поколение советских граждан, в отличие от образованной молодежи 1930–1940-х гг., не грезящее о будущих сражениях за мировой социализм. Среди них росло число этнически нерусских, которым совершенно не были близки темы «российской боевой славы» и жертвенного великодержавного патриотизма. Под идеологический «барабанный бой», сопровождающий победные рапорты о растущих новых поколениях патриотов, о новой исторической общности «советском народе», в стране росло двоемыслие, разочарование, возникали диссидентские настроения, неформальные субкультуры [11].

Постепенный отход высших советских лидеров (после Сталина) от традиционной парадигмы классового противостояния с миром капитализма получил свое логическое завершение в «новом политическом мышлении», провозглашенном М.С. Горбачевым, окончании «холодной войны», вести которую СССР в последние годы своего существования был фактически не в состоянии из-за внутренних социально-экономических проблем. Распад СССР произошел мирно, без кровопролитной гражданской войны, что свидетельствует об его искусственном характере и безразличии к его судьбе миллионов граждан, стремящихся выйти из исторического тупика советского периода истории.

«Прагматический» образ строится вокруг утверждения о движении СССР от традиционного к современному обществу отличным от Запада путем, что подтверждается модернизационными трансформациями в политической, экономической, социокультурной сферах. Советские трансформации в отличие от слабых воздействий имперского периода, кардинально изменили природу Российской цивилизации. Она догнала Атлантическую цивилизацию по многим параметрам и включилась в мировую индустриальную цивилизацию, вместе с тем в основном сохранив свою природу. Социалистический проект был непосредственно связан с проблемой преодоления отставания от западных стран в уровне социально-экономического развития. Содержание, темпы и способы советской модернизации отличались явной оригинальностью, но они органично вписывались в традиционную, мобилизационно-распределительную модель развития российского общества.

Идея «реального социализма» исходит из того, что в СССР марксистская концепция социалистического (коммунистического) общества была реализована настолько, насколько это было возможно. От теоретической концепции марксизма «реальный социализм» унаследовал отказ от идеи частной собственности, плановое хозяйство, социальную «программу-минимум» – бесплатное образование и медицинскую помощь, поддержку слабых групп населения (стариков, инвалидов). В СССР была создана специфическая модель индустриального общества и «социального государства»,

которая исключала частную собственность на средства производства и была основана на государственном управлении экономикой. Это была этатистская модель индустриального общества [6, с. 396].

Советская система имела свои достижения, она решала значимые для российского общества проблемы модернизации, но сохранить завоеванные позиции не смогла, что не означает искусственности и изначально бесперспективности реализованной стратегии. Изначально земледельческий характер экономики поменялся на индустриальный, а сельский образ жизни – на городской. Средняя продолжительность жизни к 1970-у г. достигла 70 лет, в то время как в начале века она составляла 32 года [1, с. 11].

В период с 1928 по 1970 г. темпы экономического роста СССР находились на втором месте в мире, уступая только японским. Около 1970 г. ВВП на душу населения в СССР превысил аналогичные показатели для стран вроде Аргентины, считавшихся в начале XX в. развитыми. При этом, стартовые позиции СССР были плохими. Аграрная страна, где отсутствовали политические институты гражданского общества и экономические институты частной собственности, Россия была больше похожа на Индию, чем на Германию. Если бы не сталинская индустриализация, развитие России сегодня находилось бы на уровне большинства стран Латинской Америки и Южной Азии. Без коллективизации и индустриализации потенциала для экономического роста у России не было, и вектор ее экономики остался бы в основном аграрным. Замедление развития СССР после 1970 г. объясняется «холодной войной» и переориентацией технологического потенциала советской экономики на военные нужды, а также с внутренними факторами – окончанием эпохи избыточных трудовых ресурсов, черпавшихся из числа безработных в сельском хозяйстве, и выработкой природных ресурсов, находившихся в легком доступе [2].

Глубокие структурные изменения в экономике и социальной сфере, радикальное повышение образовательного и культурного уровня населения, влияние глобальных тенденций развития порождали новые проблемы и создавали новые возможности. Осознание этих реалий мотивировало реформаторские устремления, которые инициировались «сверху». Первую попытку масштабных реформ предприняло хрущевское руководство, вторую – горбачевская команда. Объективные потребности и общественные ожидания вынудили пойти на определенный пересмотр приоритетов. Наряду с дальнейшим упрочением оборонного могущества было признано необходимым добиться заметного роста жизненного уровня населения, посредством ускорения научно-технического прогресса и повышения эффективности производства. В социально-политическом плане намечалось построение «социализма с человеческим лицом». Советская модель модернизации обеспечила переход к индустриальному, урбанизированному обществу, с соответствующими социально-профессиональной структурой и образом жизни населения. К концу советской эпохи производство ВВП на душу населения было в СССР в пределах 40% от уровня США. Доля СССР в мировом ВВП

достигла пика в 1960 г., составляя чуть менее 9%, а в 1980-м г. этот показатель опустился до уровня 1913 г. – 6,8%, т.е. восходящая линия экономического развития страны повернула вниз, вслед за периодом «взлета» советской индустриальной системы, наступила эпоха «усталости». В результате советский период оказался для России временем не сбывшихся ожиданий. В последние 150 лет отставание России от стран-лидеров экономического роста устойчиво составляет полтора-два поколения. И попытка реализации социалистического проекта ничего принципиально не изменила [3, с. 83].

В начале 1980-х гг., когда историки искали политкорректные дефиниции для существовавшего тогда строя, социологические исследования зафиксировали такие противоречащие мифологическому восприятию советской действительности тенденции, как приватизация образа жизни, т.е. активное формирование и развитие семейно-бытовых ориентаций по сравнению с общественно-производственными; незаинтересованность подавляющего большинства людей в своей работе вследствие того, что они не видели связи между интенсивностью и качеством труда и заработной платой; низкий интерес к общественной жизни, и прежде всего в среде рабочих и молодежи, к участию в деятельности огосударственных общественных организаций; формирование особого «советского» типа образа жизни и личности как определенных целостностей, которым свойственно разделение на публичную и частную ипостаси. «Простой» советский человек 1980-х гг. оказался весьма адаптивным субъектом: он вполне благополучно жил в ладу с самим собой, реализуя как одобряемые, так и не одобряемые режимом ценности, успешно манипулируя ими в зависимости от ситуации [9, с. 56–58, 93–95, 146–153]. Рассматривая причины распада СССР, сторонники «прагматического» образа обращают внимание на складывающееся в недрах самой системы широкое недовольство народа, нарастание социально-экономических проблем; говорят о некомпетентности, неспособности или нежелании политических акторов провести структурную реформу «недостаточно демократичной» и «сверхцентрализованной» советской системы, неспособности завершить этап позднеиндустриальной модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.В. Российская цивилизация (признаки, этапы развития, итоги и уроки) // Уральский исторический вестник. 2010. № 3 (28). С. 4–14.
2. Аллен Р. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013. 390 с.
3. Артёмов Е.Т. Социалистический проект в российской модели развития // Уральский исторический вестник. 2010. № 3 (28). С. 74–83.
4. Возьмител А.А. Духовно-цивилизационный разлом // [Электронный ресурс]. Сайт международной ассоциации конфликтологов. Режим доступа: URL: <http://www.confstud.ru/content/view/16/38/1/1> (дата обращения 28.02.2019).
5. Всемирная история. В 6 т. Т. 6. Кн. 1. М.: Наука, 2017. 690 с.
6. Киран Р., Кенни Т. Продавшие социализм. Теневая экономика в СССР. М.: Алгоритм, 2009. 309 с.

7. Кордонский С. Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2000. 192 с.
8. Личман Б.В. Методологическая революция в гуманитарных науках (история) и ее последствия // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. № 2. С. 17–20.
9. Советский образ жизни: Состояние, мнения и оценки советских людей / отв. ред. И.Т. Левыкин и А.А. Возьмитель. М.: ИСИ, 1984. 164 с.
10. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. В 2 т. Т. 1. Новосибирск, Издательство СибАГС, 2008. 339 с.
11. Тertyшный А.Т., Трофимов А.В. Советский Союз (1945–1991 гг.): историографические традиции и концептуальные образы // Уральский исторический вестник. 2012. № 1. С. 85–96.
12. Экономика России. Оксфордский сборник. Кн. 1. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 776 с.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ РЕКОМЕНДУЕТ СТАТЬЮ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Герасимов Григорий Иванович, доктор исторических наук, доцент; научный консультант Тульского государственного музея оружия (специальность 07.00.02)